

ЯН ГУС

(1371 — 1415)

Деятель чешской Реформации

Ян Гус родился в местечке Гусинец, находящемся у Богемского, или Чешского, леса, вблизи баварской границы.

Не только день, но и год рождения Гуса не определен с полной достоверностью. День 6 июля, нередко называемый как дата рождения Гуса, на самом деле есть дата его смерти. У гуситов смерть считалась новым духовным рождением, отсюда и вышла путаница в числах у некоторых историков. Год рождения Гуса попросту вычисляют, зная год его вступления в университет; но при этом забывают, что в XIV и XV веках на университетских скамьях рядом с мальчиками часто сидели бородатые юноши. Принято считать, что Гус родился в 1371 году.

Сведения о детстве и отрочестве Гуса довольно скудны. Настоящее имя его – Ян из Гусинца – еще школьными товарищами было сокращено в Гус, а Гус по-чешски то же, что по-русски ГУСЬ.

О родителях Гуса мы почти ничего не знаем, исключая то, что у этих, видимо, незажиточных крестьян, кроме Яна, было еще несколько сыновей. В раннем возрасте Гус

был послан в Прагу учиться, где жил, добывая себе пропитание пением и прислуживанием в храмах. В одном месте Гус пишет: «Когда я был голодным мальчуганом, я делал из хлеба ложечки, которыми ел горох до тех пор, пока, наконец, не съедал и ложки». Очень рано стал Гус помышлять о том, чтобы сделаться священником: вероятно, с этой целью он и был отдан родителями в ученье.

По окончании начального обучения Гус записался в Пражский университет на факультет «свободных искусств». В университете Гус, по его собственным словам, не уклонялся ни от чего, участвуя и во всем важном, и во всем легкомысленном.

Гус был очень молод, когда приобрел степень бакалавра свободных искусств в 1393 году. В Следующем году он приобрел степень бакалавра богословия, а в 1396 году он был уже магистром свободных искусств. Дальше этого Гус не пошел. Он не добивался степени доктора богословия и на всю жизнь остался магистром.

Среди университетских товарищей Гус пользовался большим уважением. Через два

года после получения степени магистра Гус был избран чешской корпорацией Пражского университета экзаменатором на степень бакалавра. Около 1400 года он стал священником, затем был избран деканом факультета.

С этого времени под влиянием чтения книг – сочинений Виклифа и других авторов – Гус из веселого товарища становится почти аскетом.

Год получения им первой ученой степени бакалавра как раз совпал с юбилейным годом города Праги (1393 г.). Один проповедник произнес по этому случаю на Вышеграде поучение, в котором перечислял милости, дарованные верным сынам церкви римским престолом. «В этот день, – говорит впоследствии Гус, – я купил индульгенции, но зато мне пришлось потом остаться на одном сухом хлебе». Впрочем, эта исповедь на Вышеграде была последним резким проявлением предрассудков, усвоенных Гусом от окружающей среды.

«Когда я был еще молод и духом, и разумом, – писал он в одном из своих сочинений, – я был суеверен; но, познав Писание, я понял свое прежнее безумие».

Решительное влияние на развитие убеждений Гуса имело занятие им кафедры проповедника в так называемой Вифлеемской часовне. Университетские годы Гуса совпали с бурными церковно-политическими событиями: шла упорная борьба между чешским королем Вацлавом и немецкими князьями; королевская власть вступила в решительное столкновение с властолюбивым духовенством. Ведя постоянную борьбу с пражским архиепископом, король Вацлав велел утопить в водах Влтавы одного из его подчиненных, Яна из Помука. Позднее иезуиты канонизировали этого викария под именем святого Яна Непомука и старались противопоставить память этого прелата памяти Гуса. Непомука превратили в патрона чешского королевства; конфискованные у гуситов портреты Гуса стали называть изб-

ражениями св. Непомука; в самом Гусинце, на родине Гуса, поставили статую Непомука, чтобы «выкурить сам источник ереси».

Для характеристики развития взглядов Гуса весьма важно ознакомиться с тем, как он отнесся к этой распри между королем и духовенством. Впоследствии в числе обвинений, направленных против Гуса, находилось и то, что он, будучи во время утопления Яна из Помука уже бакалавром, не выступил с публичным порицанием действий короля.

Когда Гус стал священником (1400 г.), король был низложен немецкими курфюрстами, избравшими Римским императором Рупрехта Пфальцского. Вспыхнула война. Чешский народ был на стороне короля, большинство епископов приняло сторону курфюрстов, которых поддерживало также утвердившееся в чешских городах и в самой Праге немецкое бюргерство. Даже в числе магистров Пражского университета находились многие, которые высказывались в пользу немецкого претендента. С победой Вацлава немецкие профессора примкнули к чешской клерикальной партии.

Борьба в университете происходила главным образом на почве богословской и схоластической.

К этому времени уже совсем громко раздавалось требование пражских граждан, чтобы проповеди произносились не только отдельно по-латыни и по-немецки, но и по-чешски. Это требование как самое настоятельное внушило мысль об основании Вифлеемской часовни, вскоре после того прославленной именем Гуса.

Первая мысль об устройстве часовни исключительно для произнесения чешских проповедей принадлежала богатому пражскому купцу Кржижу. Король не только разрешил открытие часовни, но и добился архиепископского согласия. Личному знакомству с Кржижем Гус более всего обязан тем, что был назначен проповедником в часовню. В жизни Гуса началась новая эпоха.

Было время, когда почти всю деятельность Гуса приписывали влиянию английского философа и богослова Виклифа.

Учение Виклифа известно. Этот богослов и философ схоластической «реалистической» школы выступая против учений римской церкви. В 1382 году в Лондоне был созван собор, признавший сочинения Виклифа частью еретическими, частью ошибочными; тем не менее Виклиф никогда не был серьезно преследуем и спокойно умер в 1385 году, т. е. за 15 лет до вступления Гуса на проповедническое поприще.

Отвергать полностью знакомство Гуса с книгами Виклифа нельзя; но возникает вопрос: когда и какие сочинения Виклифа стали известны Гусу? Теперь можно считать доказанным, что с богословской критикой Виклифа Гус ознакомился основательно уже после того, как начал свою проповедническую деятельность в Вифлеемской часовне, т. е. когда его собственные убеждения успели сложиться почти окончательно. Значительно раньше Гус ознакомился лишь с философскими трактатами Виклифа.

Как философ Виклиф был одним из самых горячих сторонников схоластического реализма, приписывавшего реальное существование отвлеченным понятиям; с этим учением боролись так называемые номиналисты, придававшие отвлеченным идеям значение лишь символов и знаков. Гус, еще до начала своего проповедничества, собственноручно переписывал некоторые трактаты Виклифа. Одна такая рукопись (1328 г.) хранится в Стокгольмской библиотеке, куда ее завезли шведы после взятия ими Праги во время Тридцатилетней войны. На полях этой рукописи Гус сделал от себя некоторые примечания, из которых видно его глубокое уважение к автору. Некоторые положения Виклифа как будто пугали Гуса. В одном месте он приписал: «Пусть Господь даст Виклифу царствие небесное! О Виклиф,

Виклиф! не одному человеку ты вскружишь голову!»

Одной из главных черт характера Гуса были постоянные поиски истины, и он никому не верил на слово, не убедившись собственным разумом в справедливости того или иного положения. Поэтому и в учении Виклифа он принимал далеко не все, а то, что принял, вполне согласовывалось с убеждениями, выработанными Гусом самостоятельно. Так, в одной из ранних своих проповедей Гус уже смело высказывается против притязаний Рима и сознается, что глубоко заблуждался, считая папу непогрешимым. «Впрочем, – говорит Гус, – я и самого себя считал очень хорошим человеком, пока не ознакомился основательно с Писанием». Легко понять значение подобных проповедей для тогдашней Праги. Почва для восприятия их была готова в самом народе.

В начале своего проповедничества Гус приобрел такую популярность, что, несмотря на молодые лета, был избран (по тогдашним правилам – на одно полугодие) ректором Пражского университета. С самого дня своего основания Пражский университет не был чисто чешским национальным учреждением. Он служил главным умственным центром не только для чехов, но и для немцев. Основанный Карлом IV, Пражский университет имел в конце XIV и начале XV века лишь двух равных соперников – университеты Парижский и Оксфордский.

При всей своей терпимости и миролюбии Гус нередко выступал против чрезмерных притязаний немецких профессоров. Что Гус не был враждебен немцам, доказывается самим избранием его в ректоры, чего нельзя было достичь против воли немецкого большинства; но он нередко говорил, что в чешском королевстве чехи должны занимать такие же места, как французы во Франции и немцы в Германии.

Высшее пражское духовенство взяло в

университетском вопросе, как и в политических распрях, сторону немецкой партии и даже тайно подстрекало немцев против чехов. В 1403 году после Гуса ректором был избран баваец Вальтер Геррасер. Один немецкий магистр Гюбнер рассмотрел недавно перед тем появившиеся в Праге богословские трактаты Виклифа, извлек из них 21 положение, к которым присоединил 24 пункта, осужденные лондонским собором, и все это препроводил в архиепископский капитул. Официал Кбель и пражский каноник Нос отправили все эти 45 пунктов ректору Геррасеру, а этот последний немедленно созвал совет из пражских докторов и магистров, значительным большинством голосов постановивших: воспретить как публичное, так и частное преподавание 45 тезисов, – решение, впоследствии игравшее важную роль в судьбе Гуса.

На первых порах осуждение 45 тезисов Виклифа нимало не поколебало положения Гуса ни в университете, ни на проповеднической кафедре. Его положение, казалось, стало даже более прочным, когда пражским архиепископом был назначен еще не старый прелат Збынек. Новый архиепископ очень мало понимал в богословских делах, но был храбрым воином и не терпел ханжей и суеверных. Он назначил Гуса и его приятеля Станислава из Цнойма «синодальными проповедниками» – обязанность весьма важная, состоявшая в произнесении наставлений духовенству.

В роли синодального проповедника Гус мог действовать еще смелее прежнего. К этому времени слава его так возросла, что даже враги Гуса отзывались о нем с уважением. Он вел жизнь аскета, изнуряя себя постами и бессонными ночами.

Красноречие Гуса было своеобразным. Он не сразу поражал слушателей, речь его не была ни пылкой, ни блестящей, но оставляла глубокое впечатление. На слушателей действовали главным образом сила и искренность

его убеждения. В проповедях Гус не щадил и духовных лиц; он не останавливался и перед порицанием своего покровителя – архиепископа.

Народ, давно подготовленный к таким речам, с восторгом слушал Гуса; духовенство еще не смело идти против влияния архиепископа, многих феодалов и самого двора. Королева София явно покровительствовала Гусу и назначила его своим капелланом и исповедником.

Не менее смело и энергично действовал Гус, искореняя народные суеверия. Он понимал, что корыстолюбивое духовенство и невежественный народ – это два элемента, постоянно идущие рука об руку. В этом случае Гуса поддерживал только архиепископ, не веривший ни в какие чудеса.

До сведения архиепископа дошло, между прочим, что в маленьком городке Вильснак находится необычайная драгоценность, живая кровь Христова, – разумеется, чудотворная и исцеляющая больных. Народ стремился тысячами в этот городок из всей Средней Европы. Архиепископ Збынек назначил комиссию из трех магистров. Одним из них был Гус. Исследование показало, что все так называемые чудеса были обманом легковверных людей, и архиепископ поручил Гусу написать ученый трактат по этому предмету. Гус написал сочинение, в котором доказывал, что ни одна капля крови Христа не может теперь где-либо находиться. Рассуждая о крови Христовой, Гус поневоле пришлось коснуться католического учения об евхаристии. Критика Гуса в этом случае не идет вразрез с католической догмой, но и не сходится с ней. Гус доказывает, что в таинстве причащения следует допускать только «невидимое» присутствие крови и плоти. Что касается чудес вообще, Гус высказывается об этом весьма прямо. «Требование чудес, – говорит он, – есть доказательство маловерия. Истинному христианину не надо ни знамений,

ни чудес. . . Если бы священники твердо держались Евангелия, они предпочли бы говорить народу, об учении Христа, вместо того чтобы рассказывать о мнимых чудесах».

Хотя историческая роль Гуса основана более на его жизни, чем на его книгах, как писатель Гус смело может быть сопоставлен с Лютером. То, что Лютер сделал для немецкой речи, сделано Гусом для чешского языка. Слог Гуса чист и ясен и вполне соответствует ясности его мыслей. Стремясь к правдивости и простоте во всем, Гус обнаружил эти качества даже в своей реформе чешского правописания. Прежние сложные и неуклюжие сочетания согласных он заменил так называемыми диакритическими знаками, обозначающими шипящие звуки. С небольшими изменениями правописание Гуса удержалось в чешской литературе до сих пор.

Обращая преимущественное внимание на нравственную сторону религии, Гус мало занимался догматическими тонкостями. Несколько иначе писали и говорили многие из ближайших друзей Гуса, и особенно его бывший профессор Станислав из Цнойма, написавший трактат, в котором уже прямо отстаивал учение Виклифа, отрицая теорию «пресуществления» и утверждая, что хлеб и вино всегда остаются хлебом и вином.

Враги Гуса и его партии воспользовались сочинением Станислава для составления доноса, который был отправлен в Рим. Папа Иннокентий VII счел необходимым прислать архиепископу Збынеку особую буллу, в которой обращал его внимание на «виклифовы ереси» (1405 г.). Архиепископ потребовал Станислава для объяснений. Не желая навлечь на себя неприятности, тот попросту отрекся от авторства и с тех пор стал писать в самом правоверном духе. Чтобы покончить с этим делом, архиепископ велел объявить народу, что в таинстве евхаристии «не остается сущности хлеба, но лишь истинная плоть Христова, не оста-

ется сущности вина, но лишь истинная кровь Христова». До этих пор Гус, вообще не любивший догматических споров, молчал. Теперь он не выдержал и заявил архиепископу, что его объявление противоречит учению церкви.

Между тем новый папа Григорий XII подтвердил буллу Иннокентия VII, и это побудило архиепископа к еще более крутым мерам. Сам король Вацлав был задет за живое словами папской буллы, содержащими намек на то, что он, король, защищает еретиков. Что касается архиепископа, то он скоро вошел во вкус религиозного преследования. Усердие архиепископа в деле гонений на еретиков довело Гуса до полного разрыва с этим прелатом.

С досады архиепископ вздумал нанести партии Гуса решительный удар. Он повелел, чтобы все, у кого есть книги английского еретика Виклифа, немедленно выдали их для сожжения. Вместе с тем архиепископ запретил произносить проповеди, содержащие какие бы то ни было нападки на духовенство. Это распоряжение уже прямо касалось Гуса, вскоре отстраненного от должности синодального проповедника.

Разрыв между архиепископом и Гусом был уже полный, когда наступил великий раскол в римско-католической церкви, приведший к образованию двух церквей, с двумя папами, из которых один, Григорий XII, оставался в Риме, а другой – Бенедикт сидел в Авиньоне. Бесконечные ссоры между папами надоели кардиналам, и те решили отделаться от обоих и созвали в Пизе собор. Для успеха дела кардиналы просили всех католических монархов, и в особенности Римского императора, поддержать их, т. е. либо отказать в повиновении обоим папам, либо по крайней мере соблюдать впредь до решения собора полный нейтралитет.

Вацлав IV сам содействовал искоренению ересей, но наконец решил, что сделанного довольно. Он приказал архиепископу объявить

всенародно, что в чешских землях, после самого строгого расследования, более не осталось ни одного еретика. Архиепископ скрепя сердце сообщил королевское повеление синоду.

Уничтожив ересь одним росчерком пера, Вацлав возобновил переговоры с кардиналами и обещал им прислать в Пизу торжественное посольство.

Известие о таком решении короля было весьма приятно для Гуса. Он и его сторонники надеялись, что с низложением Григория XII выиграет также чешское национальное дело.

Когда король Вацлав потребовал от архиепископа и от университета отказаться от папы Григория, Прага разделилась на два враждебных лагеря. Меньшинство – немецкие профессора и купцы вместе с чешским высшим духовенством – стояло за Григория. Огромное большинство было за короля. На этот раз Гус выступил уже в роли настоящего политического вождя чешского народа. На бурном заседании, созванном ректором Пражского университета, все чешские профессора высказались за нейтралитет. Архиепископ решил действовать круто: он велел прибить к дверям церкви объявления на латинском и чешском языках; в которых Гус как вождь чешской партии был объявлен непокорным сыном церкви, вследствие чего Гусу было воспрещено отправлять какие бы то ни было священнические обязанности.

В университете обострилась борьба между чешской и немецкой профессурой, Вольнодумные чешские профессора решили послать к королю депутацию из двух правоверных католиков, но они сами просили Гуса присоединиться к ним. Гус охотно согласился. Требования чехов были умеренны: они добивались лишь равного с немцами числа голосов, т. е. трех против трех.

Король принял депутатов сурово и закри-

чал на Гуса: «Ты и твой приятель Иероним – главные бунтовщики! Смотрите, если у вас не будет порядка, я велю вас сжечь!» Депутаты ушли ни с чем. На Гуса эта злополучная аудиенция повлияла удручающе, он заболел и слег в постель.

Внезапно последовал королевский декрет, давший чешским профессорам даже более того, чего они домогались. Было объявлено, что чехи в своей земле должны иметь большинство, и им дано было три голоса, а немцам только один. Немецкие профессора и студенты ответили королю внушительной демонстрацией. Созвав сходку, они поклялись оставить университет, если королевский декрет не будет отменен. В церквях называли короля спасителем отечества. Сам Гус был увлечен течением и, оправившись от болезни, похвалил с кафедры королевский декрет.

Король вскоре сам убедился, что впал в новую крайность. Он предложил немцам полное равенство с чехами, но немцы требовали восстановления всех своих привилегий. Раздраженный этим, король прислал одного из своих придворных, который прогнал ректора, отобрал у него печать и ключи и назначил, кого хотел. 16 мая 1409 года профессора и студенты всех трех немецких наций исполнили свою клятву. Не менее 5 тысяч студентов ушло в этот день из Праги: большая часть их двинулась в Лейпциг, где был основан новый немецкий университет.

Когда впоследствии пражское духовенство стало клеветать на Гуса, что он своими проповедями возбуждал ссоры между чехами и немцами, Гус решительно отверг обвинение и произнес знаменитые слова: «Правда, немцы и враждебные нам чехи подавали повод к распрям; но доброго немца я предпочитаю злomu чеху, хотя бы этот последний был моим родным братом».

Избранный Пизанским собором папа Александр V оказался не лучше своих соперников.

Архиепископ Збынек признал папу и опять стал преследовать Гуса и его, партию. Появились новые доносчики, утверждавшие, что Гус проповедует еретические учения о священническом сане. Гусу приписывали слова, что священник, совершивший смертный грех, – не священник, и таинства, им совершенные, – не таинства. Была создана следственная комиссия по этому делу. Папа издал буллу, ограничивающую места произнесения проповедей. Кроме того, он заранее запрещал всякие прошения и жалобы, противные булле. Несмотря на это положительное запрещение, Гус решился апеллировать.

В ожидании ответа папы Гус продолжал борьбу с архиепископом и провел в университете резолюцию, в которой был осужден архиепископский декрет о сожжении книг Виклифа. Кроме того, Гус объявил, что произнесет проповедь по поводу папской буллы. Огромная толпа народа собралась слушать эту проповедь,

25 июня 1410 года в Вифлеемской часовне было прочитано воззвание, подписанное Гусом, а также многими магистрами, бакалаврами, студентами, даже рыцарями и горожанами.

«Разумно ли, – говорится в этом воззвании, – сжигать книги, в которых обсуждаются философия, мораль, математика и физика – вопросы чисто научные? Допуская даже, что книги Виклифа содержат еретические мнения, следует ли из этого, что их нельзя читать? Разве не наилучшее средство уничтожить заблуждение – изучить его? Как опровергнуть то, чего не знаешь?»

Подписавшие этот протест заявляли, однако, свою преданность церкви и объявили, что не поддерживают никакой ереси.

Между тем Александр V умер, и архиепископ Збынек поспешил донести новому папе Иоанну XXIII, что Гус проповедует ересь, и просил папу вызвать его в Рим для примерно-

го наказания. Не дожидаясь папского решения, архиепископ устроил сожжение книг Виклифа и отлучил от церкви Гуса и всех апеллировавших к папе.

Последствия этой меры были, однако, совсем не такими, каких ожидал архиепископ. Народ был крайне раздражен; всюду слышались злые насмешки над архиепископом. От насмешек перешли к насилию. Самому архиепископу пришлось однажды прятаться от разъяренного народа; когда в церкви св. Стефана один священник «анафемствовал» Гусу и его друзьям, шестеро вооруженных граждан бросились на него в храме, и он едва спасся.

Папа Иоанн XXIII отверг апелляцию и вызвал Гуса в Рим на суд.

Это известие вызвало в Праге взрыв негодования против папы. Сторонники Гуса твердо держались его правила: «В духовных вопросах повиноваться не людям, а Богу», – и папские угрозы только подстрекали их к сопротивлению. Король Вацлав опять склонялся на сторону Гуса и писал папе, что следует прекратить процесс, затеянный архиепископом, и что лучше «приказать обеим сторонам молчать». Но папа прислал следственную комиссию из четырех кардиналов, и 15 марта 1411 года Гус был предан новой анафеме во всех церквях Праги, за исключением двух, где священники отказались повиноваться.

Гус продолжал проповедовать в своей часовне, как будто ровно ничего не случилось.

Ввиду сильного волнения умов в Праге архиепископ решился, наконец, на уступки и даже согласился подчиниться решению третейского суда по назначению короля, в котором значилось, что между Гусом и архиепископом произошло полное примирение, Гус, со своей стороны, согласился подчиниться решению суда; но архиепископ раздумал мириться, и только его внезапная смерть положила конец этой враждебности. Преемником Збынека стал королевский лейб-медик Альбик, человек

довольно тихий.

В то время Пизанский собор вместо двух пап создал не одного, а трех: Иоанн XXIII чувствовал себя небезопасно в самом Риме и затевал против своих врагов крестовый поход, обещая всем его участникам прощение всех грехов, даже будущих. Буллы, привезенные новому пражскому архиепископу, встретили сочувствие короля Вацлава. Велено было произносить проповеди за поход, и на базарных площадях начался сбор денег. Гус стал проповедовать против похода. Смелая проповедь испугала на этот раз даже некоторых из его друзей. Впервые обнаружилось, что между ними были люди робкие и даже предатели. Один из ближайших приятелей Гуса, Степан из Пальча, в то время бывший деканом богословского факультета, подговорил факультет принять решение, что папа имеет власть прощать грехи и даровать их отпущение какими угодно способами. Тогда Гус назначил в большом зале Карловой коллегии публичный диспут по вопросу: «Согласно ли с прямым смыслом учения Христа, чтобы во славу Божию и для спасения христианского народа были поддерживаемы папские буллы о крестовом походе?»

На этом диспуте Гус произнес несколько замечательных речей; по главным героем дня остался все же не он, а его лучший и вернейший друг, магистр Иероним Пражский. Иероним говорил с таким воодушевлением, что восторгам студентов не было конца. Когда диспут закончился, Иеронима провожала домой еще более многочисленная толпа, чем Гуса.

Один из придворных короля, Вок, вздумал предать осмеянию папские повеления. Он устроил шутовскую процессию: посредине сидели на колеснице куртизанки, у которых на груди висели папские буллы; впереди и позади шли толпы людей с мечами и кнутами. Процессия двинулась мимо архиепископско-

го дворца, достигнув рынка на Новом Месте, устроила костер, на котором торжественно сожгли папские буллы, насмехаясь при этом и над крестовым походом, и над сожжением книг Виклифа.

Король Вацлав посмотрел сквозь пальцы на проделку своего придворного, но на будущее объявил, что всякое сопротивление папским буллам наказуемо смертью. 10 июля 1412 года трое молодых людей из низшего сословия – Ян, Мартын и Сташко – были приговорены к смертной казни за агитацию против папских индульгенций. Гус ходатайствовал за осужденных; но городские власти поспешили с совершением приговора – и головы всех трех осужденных пали на плахе.

Между тем пражские богословы продолжали интриговать против Гуса. Вновь был затеян спор о 45 тезисах Виклифа, к которым на этот раз присоединили шесть тезисов самого Гуса, требуя, чтобы Гус не смел преподавать их. В этом смысле было даже выхлопотно королевское повеление; но Гус заявил, что король не имеет права нарушать университетской автономии и свободы преподавания.

Папа Иоанн XXIII велел кардиналу Сант-Анджело повторить против него анафему: отныне никто не должен сказать ему доброго слова; каждое место, на котором он стоит, подвергается интердикту, Вифлеемская часовня должна быть скрыта до основания и уничтожена.

Члены пражского магистрата были враждебны Гусу. По их подстрекательству 2 октября 1412 года у Вифлеемской часовни собралась толпа буянов, пытавшихся проникнуть в часовню во время проповеди Гуса и произвести там погром. Гуситы заняли оборонительную позицию, и противники ушли ни с чем.

Постоянные столкновения гуситов с их противниками сильно беспокоили короля Вацлава. Не решаясь действовать силой против проповедника, приобретшего необычай-

ную популярность, король уговорил его добровольно оставить Прагу, чтобы положить конец смуте.

В конце 1412 года Гус отправился в изгнание, опубликовав трактат против папы «к Христу как к праведнейшему судье».

Король всеми способами старался уладить споры и сделать возможным возвращение Гуса в Прагу. Между тем одряхлевший архиепископ Альбик уступил место новому архиепископу Конраду, который в начале 1413 года созвал синод. Гус прислал вместо себя одного из друзей. Однако попытка примирения не состоялась. Несколько кратких и ясных пунктов Гуса были отвергнуты его врагами во главе с бывшими соратниками Станиславом из Цнойма и Степаном из Пальча. Вацлав потерял терпение и хотел изгнать этих интриганов из пределов Чешского королевства. При королевском дворе опять взяли верх гуситские веяния, установившие в пражском магистрате полное равенство между чехами и немцами; до тех пор немцы преобладали. Гус, остававшийся в изгнании; не терял времени, вел обширную переписку, написал немало богословских трактатов и главное свое сочинение «De ecclesia» («О церкви»), написанное им в местечке Козий Градек. По временам Гус проповедовал в Краковце, куда стекались огромные толпы народа, годы добровольного удаления Гуса из Праги оказались поэтому весьма плодотворными для распространения гуситизма.

Возник новый его центр, находившийся в той самой местности, где впоследствии возник гуситский город Табор. В самой Праге, с удалением учителя, некоторые ученики привыкли действовать самостоятельнее; число приверженцев Гуса увеличивалось с каждым днем.

За несколько лет гуситские приверженцы и противники появились за пределами Чешского королевства. В 1413 году в Вене уже были гуситы, во Франции Гус пользовался большой известностью, гуситизм стал распространять-

ся в Польше, и слухи о нем проникли до пределов Московской Руси. В немецких землях также было немало сторонников Гуса, но еще больше – противников. Кроме удалившихся из Праги профессоров, главным противником чешского проповедника явился сам Римский император Сигизмунд, владения которого номинально простирались от Балканских гор до Балтийского моря и от Карпат до Рейна. С 1413 года и до самой смерти Гуса Сигизмунд стоял во главе его противников.

Сигизмунд был человек по тем временам образованный: он знал латинский, французский, немецкий и венгерский языки, был весьма любезен не только с дамами, за которыми ухаживал более, чем следовало, но и с простыми бюргерами и купцами. Главной чертой характера Сигизмунда было его необычайное желание прославиться. Он любил грандиозные проекты, ему нравилось все великолепное. Он вздумал удивить все человечество и затеял небывалый по великолепию вселенский собор с целью окончательно прекратить церковный раскол. Собор должен был открыться в Констанце 1 ноября 1414 года. Сигизмунд решил вызвать Гуса в Констанц. Он послал двух чешских дворян к Гусу с объявлением, что, если Гус добровольно явится на собор, ему будет дана полная возможность высказаться, и даже если он, Гус, не подчинится решению собора, император обещал отослать его домой без всяких препятствий.

На первых порах Гус даже обрадовался этому приглашению. Ему казалось, что, явившись на собор, он не только оправдает себя от ложных обвинений, но и доставит полное торжество правде, убедит в правоте своих идей не только мирян, но даже многих прелатов.

Один из дворян, посланных императором к Гусу, передавая обещания Сигизмунда, сказал Гусу по секрету, чтобы он остерегался и не всему верил. Слова эти возбудили у Гуса некоторые сомнения, но он недолго колебался.

Приготовляясь к отъезду, Гус велел распространить объявления на трех языках: латинском, чешском и немецком, в которых было сказано, что он, Гус, готов дать отчет о своей вере перед всем чешским духовенством.

Гус написал воззвание, предлагая обвинителям явиться на Констанцкий собор. Он не знал, что его враги явятся туда даже без всякого вызова с его стороны.

Вскоре после этого в пользу Гуса неожиданно высказался папский земский инквизитор, викарный епископ Николай Назаретский. В присутствии нескольких чешских дворян он заявил, что считает Гуса превосходным католиком, и даже подтвердил свои слова письменным заявлением. В то же время в монастыре св. Иакова, на собрании светских и духовных феодалов, было прочитано письмо Гуса, который просил сделать архиепископу формальный запрос, считает ли он его виновным в какой-либо ереси. Не имея прямых улик против Гуса, архиепископ Конрад хотя и не дал письменного заявления, но на словах высказал, что никакой ереси за Гусом он не знает и что Гусу надо только очистить себя в глазах папы.

Все это могло только усилить решимость Гуса отправиться на собор, и он написал Сигизмунду письмо, в котором благодарил за оказанное ему до сих пор «покровительство». Он считал себя вполне подготовленным к защите. Перед отъездом Гус, однако, устроил свои дела так, как будто готовился к смерти. Он написал завещание в виде письма к своему любимому ученику Мартину. Письмо это Гус запечатал и велел вскрыть лишь тогда, когда будут получены вполне достоверные известия о его смерти.

Многие из друзей Гуса имели мрачные предчувствия. Один из них, башмачник Андрей Поляк, прощаясь с Гусом, сказал: «Кажется мне, что ты не вернешься к нам». Накануне смерти Гус вспомнил эти дружеские

слова.

По приезде в Констанц Гус получил охранную грамоту от Сигизмунда. Вопрос об охранной грамоте, данной императором Гусу, весьма занимал архивных историков, но окончательно он был выяснен лишь в 70-х годах XIX века Бергером. Этот немецкий ученый доказал, что в XV веке различали два рода императорской охраны – «живую» и «мертвую». «Живую» охрану Гуса составляли чешские дворяне и, по тогдашним понятиям, одного назначения этих дворян состоять при Гусе было вполне достаточно, чтобы без всякого письменного документа император считался уже связанным своим обещанием. Не нарушив правил, не только нравственных, но и вошедших в обычное право, Сигизмунд уже не мог отказать Гусу в защите.

Путь в Констанц шел через Нюрнберг. Перейдя границу, Гус вместо ожидаемых врагов всюду встречал людей, к нему расположенных. На девятый день путешествия он пишет из Нюрнберга своим пражским друзьям: «Знайте, что я до сих пор не встретил ни одного врага». Во многих местах даже духовные лица выражали сочувствие цели его путешествия.

Бывали, конечно, и столкновения. Так, из Нюрнберга, днем раньше Гуса, выехал епископ Любекский. По дороге этот прелат всюду предупреждал народ остерегаться Гуса. Это внушение произвело обратное действие, и народ валил толпами навстречу Гусу. Когда наконец 3 ноября 1414 года Гус приблизился к Констанцу, из города ему навстречу вышло огромное количество жителей.

На следующий же день сопровождавшие Гуса дворяне доложили папе о приезде Гуса и попросили папской защиты. Папа прислал к Гусу епископа Констанцкого и еще нескольких лиц, требуя, чтобы Гус вел себя смиренно, не докучал папе и не появлялся в общественных местах, особенно в храмах. Гус повинно-

вался.

Собор еще не был открыт официально, но почти все прелаты уже съехались. Три патриарха, 29 кардиналов, 33 архиепископа, около 150 епископов, множество аббатов и приоров. 300 магистров и докторов богословия, множество принцев и вельмож – таков был состав этого собора. Университеты играли важную роль, какой не имели ни на одном из прежних соборов; это была невольная дань тому самому демократическому духу, который воплотился в учении Гуса.

Даже помимо обещания, данного папе, Гус почти не решался выйти на улицу. Сидя в своей комнатке, он писал. Сначала Гус думал о самозащите, но, увлекшись ходом мыслей, стал писать о реформе церкви. «Как далеки эти духовные пастыри, – писал Гус, – от цели, указанной Христом! Вместо того, чтобы жить в просторе и смирении, они владеют землей, они хотят подчинить себе даже королей. Кто узнает в этих прелатах, окруженных свитами рыцарей, блистающих золотом и серебром, учеников смиренного Распятого?»

Надо было придумать какой-либо предлог для лишения Гуса свободы. С этой целью в городе был распространен слух, будто, Гус хотел бежать, спрятавшись на возу с сеном, и будто он, нарушив данное папе обещание, публично проповедовал и с целью привлечения слушателей давал каждому по червонцу.

28 ноября 1414 года к Гусу явились два епископа будто бы, с целью проводить его к папе на аудиенцию. Гус все еще не подозревал низкого обмана. Он не знал и того, что дом, где он жил, и соседние дома были оцеплены вооруженными людьми.

Гуса отвели под стражею в дом одного констанцского каноника и здесь держали восемь дней. 6 декабря Гуса привезли в доминиканский монастырь, находившийся на Констанцском озере, на островке, и посадили здесь в мрачную, сырую, смрадную тюрьму, примы-

кавшую к клоаке. Вскоре Гус заболел здесь так, что одно время опасались за его жизнь.

Приехал, наконец, в Констанц сам император Сигизмунд. Император еще по дороге узнал об аресте Гуса. В первую минуту он пришел в состояние сильнейшего гнева и велел немедленно освободить Гуса, угрожая в противном случае сломать тюрьму, в которой тот находился, и уехать из города. Кардиналы не обратили ни малейшего внимания на эту угрозу и пообещали в ответ распустить собор. Этот довод стоил для Сигизмунда всех других: неудача собора была бы слишком чувствителен для его тщеславия.

4 декабря 1414 года папа назначил по делу Гуса следственную комиссию, которая допросила его в присутствии 15 свидетелей в его темнице. Гус был в это время так болен, что едва мог говорить. Он просил, чтобы ему назначили защитника, но на следующий день Гусу было объявлено, что подозреваемого в ереси никто не вправе защищать. Как только Гус немного оправился от болезни, ему подсунили бумагу, содержащую 42 обвинительных пункта, с требованием ответить на них. Первые 37 пунктов были выбраны из сочинения Гуса «О церкви», последние 5 – из разных его писем и проповедей.

Несмотря на болезнь и крайний упадок сил, Гус написал превосходный ответ.

Лишь на время внимание кардиналов было отвлечено от Гуса побегом папы Иоанна XXIII, который, опасаясь низложения и даже суда, бежал, переодевшись конюхом. Гуса стерегла папская стража, которая, узнав о бегстве папы, также предпочла уйти. Перед уходом ключи от тюрьмы Гуса были отправлены самому императору. Теперь, казалось, настало для Сигизмунда самое удобное время восстановить свое слово. Даже Гус питал некоторую надежду, что император прикажет освободить его.

Сигизмунда успели убедить в том, что Гус

– один из главных противников того дела, от которого император ожидал приобрести бессмертную славу – дела восстановления единства католического мира. Епископ Констанцкий приказал перевезти узника в свой замок Готтлибен, находившийся возле Рейна. В последние дни пребывания в прежней доминиканской тюрьме Гус чувствовал себя немного лучше благодаря доброте сторожей и влиянию некоторых чешских вельмож. Гораздо более суровое обращение пришлось испытать Гусу в Готтлинбенском замке. Целый день на нем были оковы, на ночь руки Гуса приковывались к стене; пища была отвратительная, и Гус опять стал сильно хворать.

Следствие велось теперь с соблюдением строжайшей тайны. Эта неизвестность окончательно вывела из терпения чешских сторонников Гуса. 12 мая 1415 года в Праге собралось 250 дворян, которые подписали на имя императора прошение, где было сказано, что арест Гуса причинил обиду и позор всей чешской нации. На следующий день в самом Констанце многие чешские и даже польские дворяне подали записку представителям четырех главных «наций» Констанцкого собора, в которой жаловались на незаконный арест Гуса и варварское обращение, испытываемое им в тюрьме.

Эти жалобы не остались без ответа. Чешский «железный епископ» Ян из Латомышля написал возражение, и 31 мая патриарх Антиохийский объявил от имени собора, что Гус не будет освобожден, хотя бы за него явилась тысяча поручителей. Вслед за тем Гуса перевели в новую, уже третью по счету, тюрьму. Первый публичный допрос был назначен на 5 июня 1415 года.

Когда Гус был введен в собрание, перед ним положили экземпляр его книги «О церкви», и его полемические сочинения против Станислава из Цнойма и Степана из Пальча.

– Признаешь ли ты эти книги за свои? –

спросили Гуса.

Гус внимательно просмотрел их и сказал, что это действительно его книги; но если ему докажут, что он написал что-либо ошибочное или ложное, он готов исправить ошибки. Тогда один из прелатов стал читать сделанные в обвинительном акте выдержки из его сочинений, значительно искаженные и урезанные. Гус несколько раз пытался возразить и восстановить истину. Тогда в зале поднялся неистовый шум.

Видя невозможность говорить, Гус замолчал.

Второе заседание было значительно приличнее первого, чему содействовало личное присутствие на нем императора Сигизмунда. От имени императора было объявлено, что всякий нарушитель спокойствия, кто бы он ни был, будет выведен из зала.

На этот раз Гуса старались уличить главным образом в том, что он будто бы усвоил учение Виклифа о «пресуществлении», т. е. о том, что хлеб и вино в таинстве евхаристии остаются хлебом и вином.

Третий и решительный допрос Гуса произошел 8 июня 1415 года, опять в присутствии императора. Гусу снова не давали возразить на что-либо обстоятельно. Прелаты на этот раз особенно напирала на то, что учение Гуса опасно не только для церкви, но и для монархии. Между прочим разбирали обвинительный пункт, гласивший, что по учению Гуса священник, совершивший смертный грех, – не священник.

Председатель еще раз спросил Гуса, желает ли он подчиниться решению собора, Гус ответил:

– Я затем и явился сюда, чтобы собор указал мне, в чем я заблуждаюсь; но пусть укажут и докажут, и пусть не заставляют меня отрекаться от того, чему я никогда не учил.

Конец заседания оказался очень бурным. Англичане осыпали Гуса упреками за то, что

он показывал документ Оксфордского университета с одобрительным отзывом о Виклифе и кричали:

– Ты опозорил наш университет!

Суд был завершен. Архиепископ Рижский фон Валленрод повел Гуса опять в тюрьму.

После третьего допроса сам Гус уже несколько не сомневался в том, что будет осужден на смерть.

Убедившись в невозможности добиться отречения, прелаты спросили Гуса, не желает ли он исповедаться. Гус попросил, чтобы ему прислали в качестве исповедника того самого Степана из Пальча, который был одним из главных его чешских обвинителей. Эта просьба Гуса изумила всех, но он знал, что делал. Не об одной исповеди думал при этом Гус; он хотел в последний раз повлиять на бывшего друга. Степан, изумленный более всех, отказался от роли исповедника, но не смел отказать Гусу в свидании.

Степан не выдержал; он зарыдал и, простившись с Гусом как лучший друг, поспешил уйти.

Шестого июля 1415 года Констанцкий собор имел свое XII заседание, происходившее в соборной церкви. Гуса провозгласили упорным еретиком. Все его книги должны быть сожжены, его память – проклята, а душа ввергнута в ад. За чтением приговора тотчас последовало исполнение: Гуса взвели на подмости и сначала надели ему полное священническое облачение, чтобы потом снять. Еще раз от него потребовали отречения. Гус прослезился и, обращаясь к народу, сказал:

– Смотрите! Эти епископы увещевают меня отречься; но я боюсь сделать это, чтобы не стать лжецом перед Богом и перед совестью и чтобы не опозорить себя в глазах тех, кому я проповедовал, и перед другими верными проповедниками!

Тогда приступили к позорному обряду лишения сана.

Лишив Гуса священнического сана, прелаты сделали свое дело и передали Гуса светской власти, т. е. императору, причем лицемерно умыли руки, сказав: «Если император пожелает, он может не казнить Гуса, а заточить». Но Сигизмунд тотчас передал Гуса пфальцграфу Людвигу, сказав: «Поступи с ним, как с еретиком».

Людвиг в свою очередь призвал констанцкого фохта Хагена и сказал уже вполне откровенно:

– Возьми и сожги как еретика.

Под прикрытием нескольких тысяч вооруженных людей Гуса повели через соборную площадь. На пути он увидел горящий костер: это жгли его книги.

Прибыв на место, Гус упал на колени и продолжал молиться. Когда палач велел ему взойти на костер, Гус выпрямился и сказал так громко, что его слышали даже на значительном отдалении:

– Иисусе Христе! Эту ужасную позорную смерть я терплю ради Евангелия и ради проповеди твоего слова; потерплю покорно и со смирением!

Пепел мученика был тщательно собран палачами и выброшен в Рейн, чтобы ничего не осталось от еретика.

Гус был сожжен не за ересь, а за свою устную и письменную проповедь, содержащую резкую критику господствовавшей церковной системы.

Нравственная сторона учения Христа и правильная организация церкви – таковы две основные идеи, вокруг которых вращаются все рассуждения Гуса. Для него главным чудом является само христианское учение о любви к ближнему. Веру во внешние чудеса, и особенно требование чудес, он считает доказательством маловерия.

Ни один человек, будь то священник или мирянин, не обязан без разумных доводов, основанных на изучении писания, поверить на

слово ни папской булле, ни даже изречениям отцов церкви. Опровергать евангельской истины нельзя, так как божество не может заблуждаться; но даже целый собор иерархов может заблуждаться и, что еще того хуже, может силою заставлять других верить в свои заблуждения.

В тесной связи с этой критикой церковного авторитета находится и учение Гуса о самой церкви. Если духовная власть оскверняет храмы и грабит народ, светские правители имеют полное право изгонять таких пастырей из храмов и даже конфисковать неправильно расточаемые церковные имущества.

Но осудить Гуса за одно его учение о церкви было бы трудно, так как в этом случае пришлось бы открыто защищать злоупотребле-

ния. Вот почему враги Гуса избрали кратчайший и вернейший путь, приписывая ему такие догматические положения (например, об евхаристии), о которых он и не помышлял. Для Гуса вопрос о догме постоянно стоял на втором плане. Он являлся прежде всего реформатором в области чисто нравственной и именно поэтому был для господствовавшей церковной системы опаснее других, даже более смелых и резких реформаторов.

Гус погиб, но, по известному изречению, пламя от его костра охватило все чешские земли и потрясло основания самой Римской Империи, Гуситские войны, победы Жижки и других гуситских вождей были ответом палачам Гуса.